

«ПРОБУЖДЕННЫЙ»

В German Bakery появился новый персонаж.

В этом кафе, отгороженном от проезжей части невысокой, грубой и обшарпанной стенкой, сверху на которую поставлены горшки с вазонами, почти все завсегда и знают друг друга. Сюда приходят повидать знакомых, поболтать, просто молча посидеть среди гула разговоров. В основном здесь собираются европейцы, приехавшие в ашрам и индийские саньясины, посещающие ашрам..

Простое местное население в те годы стеснялось сюда заходить. Здесь была, своего рода, «оккупированная» иностранцами территория.

Этого новичка все сразу заметили. Его было невозможно не заметить.

У него была красивого шоколадного цвета кожа, умные, очень блестящие глаза как спелые вишни.

На этом обычное описание его заканчивается. И только этими характеристиками он вряд ли бы обратил на себя всеобщее внимание.

Но ко всему упомянутому, у него еще была продета белоснежного цвета кость, размером с авторучку через перегородку между ноздрями, а в нижней губе у него было огромное отверстие в которое было воткнуто нечто, напоминающее пробку от бутылки, только в два раза больше в радиусе. От этого декора, его нижняя губа очень сильно отвисала и был виден нижний ряд зубов.

Первое, что пришло мне в голову после шока от увиденного, так это мысль -насколько это негигиенично все время ходить с открытым ртом. В Индии очень пыльно и грязно. Может быть где-то там, в джунглях это и нормально и даже практично (например, тигров распугивать). Но здесь! Особенно учитывая здешнюю антисанитарию.

На шее, в ушах, на запястьях у него тоже что-то висело и болталось, по пояс он был обнажен, вокруг его талии было что-то обернуто. Но все это как-то меркло по сравнению с его губой и костью в носу.

Первые дни он сидел один за столиком, к нему никто не подсаживался. Но постепенно, выдавшие виды завсегдатеи кафе с ним познакомились, разговорились и приветствовали его при появлении. Впечатляло то, что при всем его «тумба-юмба» виде, он прекрасно говорил на английском, очень грамотно и умно излагал свои мысли и вообще производил впечатление образованного человека.

Говорили что он какое-то время посещал ашрам, но после того как он стал что-то там проповедовать, его в ашрам перестали пускать.

Вскоре он стал что-то проповедовать в кафе.

Можно было слышать его голос, он говорил убежденно, авторитетно о чем-то духовном т.е. «за высокое».

За его столиком всегда были люди. Не то чтобы кого-то интересовали его проповеди, но здесь народ любил что-то необычное, новое и забавное. К тому же, он был не дурак. Мне ни разу не захотелось сидеть с ним за одним столиком.

Я знала, что если он будет сидеть напротив меня, мне будет трудно удерживать взгляд, возвращающийся к его губе и носу. И не потому что мне это зрелище нравится, а потому что в это трудно поверить.

В отличие от меня, проповеди обладателя пробки в губе, привлекли Са-и.

Она мне цитировала какие-то фразы из его монологов и восхищенно говорила что он- «пробужденный» и «особенный».

С последним не согласиться было трудно.

Со временем Са-и стала изредка намекать что он обратил внимание на ее «духовность» и их беседы стали еще более интенсивными и глубокими.

German Bakery открывалась в 6 часов утра.

Самое раннее кафе . Уютное, под открытым небом.

Тогда еще не проложили через Корегон Парк это чудовищное шоссе, откусившее часть территории Bakery.

Шоссе, вонзилось в медитативную и поэтическую атмосферу Корегон Парка, как инопланетное чудовище. Своими резкими звуками, скрежетом, газами и холерическим ритмом изменившее все вокруг, подогнало все под общепринятые стандарты, обезглавив все, что под эти стандарты не попадало.

И наконец, страшный, душераздирающий финальный аккорд, завершивший существование German Bakery. Бомба.

Существование, процветание, популярность этого кафе раздражала и вызывала зависть у многих пустующих рядом типичных индийских забегаловок... Зависть и раздражение вызывали работавшие здесь непальцы и тибетцы, расторопные, умеющие вести бизнес, умеющие создать уютную атмосферу, умеющие работать.

По вечерам посетителей было так много, что негде было присесть.

И вот именно в такой вечер, когда German Bakery была похожа на большой человеческий улей, наполненный смехом, гулом разговоров, жизнью, влюбленными, друзьями, знакомыми и незнакомыми...

Все взорвалось.

Кто-то в сумке оставил бомбу...

Там где была маленькая, уютная планета для встреч ,гаданий на кофейной гуще по дну грубоватых керамических чашек, где я провела много времени и много дней, делая наброски с завсегдателей... осталось пустое, обуглившееся место.

Как-будто была поставлена последняя точка, ознаменовавшая окончательный приход нового 21 века в Корегон Парк .

Меня случайно в тот вечер там не оказалось.

Остались мои наброски.

Но сейчас еще «прошлый», двадцатый век. По утрам еще тишина, эманации от ашрама, находящегося недалеко от кафе, распространяются на всю близлежащую местность.

Кафе даже называют «продолжением ашрама».

Хорошо сесть в самом углу, облокотившись о стену. Положив ноги на соседнюю табуретку, наблюдать как за невысокой стеной, огораживающей кафе, проплывают

головы ранних прохожих. Бронзового цвета лица, почти у всех лбы украшены кумкумой. Через вход в кафе видно сонного рикшу, положившего ноги на руль и куняющего, скрестив руки на груди. Две собаки породы «подзаборный аристократ» растянулись, на пока еще прохладном цементном полу. В кафе, кроме меня еще два посетителя. Каждый сидит отдельно, наслаждаясь прохладой и тишиной утра. Непальцы и тибетцы, работающие в кафе всегда приветливые, улыбчивые и быстрые. Еда, посуда и пища здесь всегда чистые. Здесь даже безопасно есть сырые салаты из фруктов и овощей. Все продезинфицировано. Только в этом кафе!

У меня всегда с собой блокнот для набросков и ручка. Делаю зарисовки утренних посетителей, столов, хаотично сдвинутых табуреток.

Кафе начинает постепенно заполняться, но все еще тишина доминирует, разговоры- негромкие. Никому не хочется разрушать эту утреннюю, прохладную тишину и магию зарождающегося дня.

Появился рыжебородый американец Пак. Всегда флиртующий, говорящий о сексе, меняющий любовниц и игнорирующий свой, за 50 возраст и выпирающий животик.

С чашкой капучино, улыбаясь, подсел за мой столик. В дверях показалась Са-и. Помахала мне и позже, с соком в руке, присоединилась к нам с Паком.

Разговор петлял с темы на тему, пока в нем не был упомянут темнокожий «пророк» с пробкой в губе. Пак сказал что этому парню какое-то африканское племя платит деньги за то, чтобы он в таком виде разгуливал по миру и пророчил.

Возможно это была лишь гипотеза Пака. Но у Са-и загорелись глаза и она стала говорить о мудрости и духовной продвинутости этого персонажа.

Пак вежливо согласился, что некоторые вещи, сказанные странным «пророком» - правильны, но ведь ничего нового, после Ошо, от него не услышишь.

Са-и с воодушевлением сказала, обращаясь к Паку: «Не правда ли, он – пробужденный! То, как он говорит, его глаза, энергия, спокойствие... Он – пробужденный!»

Пак покосился на Са-и и вежливо произнес, - «да, он интересный».

Когда Пак ушел, Са-и сказала что хочет со мной кое-чем поделиться. Но сначала потребовала чтобы я поклялась что никому не скажу.

Клясться я не стала, но пообещала.

Мы вышли из кафе и пошли, по тогда еще, тихой улице.

-«У меня с ним был секс!»-сказала Са-и, сдавливая в горле голос, стремящийся перейти на визг. Своими зелеными глазами она сверлила меня, упершись взглядом мне в глаза, как буравчиками.

Не сразу поняла о ком она. Пак? Нет.

Боже, до меня дошло!

Я так и сказала: «Боже!»

А Са-и, видимо убедившись что я не упаду в обморок, продолжала:

- «Ничего не «Боже»! Очень даже! Но это было так необычно! Сначала он меня раздел и положил. После этого взял какую-то баночку и из нее посыпал все мое тело белым порошком... Может, освятил...»

-«Господи!»,- подумала я, «он что, его продезинфицировал? Может дустом посыпал?»

А Са-и все рассказывала как он ее посыпал и, кажется, что-то приговаривал...

У меня , почему-то, неконтролируемо, в уме выплыла фраза из аптечных инструкций: «перед употреблением – взбалтывать».

И все-таки, один вопрос я задала. О пробке в губе. Как с пробкой? Да и с палкой в носу?

Неожиданно, слегка смущаясь, Са-и сказала что во время поцелуев, пробка слегка пощипывала и в этом была особая прелесть. Очень возбуждало. А кость из носа, по особому случаю, он вынул.

–«Слава Богу! А то так и глаз можно выколоть!»- мысленно прокомментировала я. Какое-то время мы шли молча.

Долгое время я тренировала себя «не судить», «не давать оценок».

И вот она- проверка результатов этих тренировок.

Интересно было видеть, что моя оценка, появилась даже не в словах, не в виде мысли, а в виде чувства. Не то чтобы отвращения, но что-то между брезгливостью и легким подташниванием..

Сфокусировавшись на этом чувстве и дождавшись, когда оно исчезло, я уже искренне сказала Са-и:

«Главное, что тебе понравилось. Экзотический опыт с «пробужденным»!»

